

Пролог

— Ты не разочаруешь нас сегодня, Сера. — Слова до-
неслись из теней в глубине комнаты. — Ты не разочару-
ешь Ласанию.

— Нет.

Я сцепила руки, чтобы унять неутихающую дрожь,
и сделала глубокий вдох. Задержав дыхание, уставилась
на свое отражение в настенном зеркале. Нет причин так
нервничать. Я медленно выдохнула.

— Я вас не разочарую.

Я сделала еще один глубокий спокойный вдох, с тру-
дом узнавая отражение, которое смотрело на меня. Даже
в неровном приглушенном свете канделябров, расстав-
ленных по маленькой комнате, я видела, что моя кожа
так порозовела, что почти исчезли веснушки на щеках
и переносице. Такой румянец можно было бы назвать
сияющим, но мои зеленые глаза сверкали слишком ярко,
слишком лихорадочно.

Сердце по-прежнему колотилось, поэтому я опять за-
держала дыхание, как сир Холланд учил делать, когда ка-
жется, будто не можешь дышать, не можешь контролиро-
вать то, что происходит вокруг или с тобой. «Вдохни мед-
ленно и ровно. Задержи дыхание, пока не почувствуешь,
что сердце успокоилось. Выдохни. Задержи дыхание».

Сейчас это не помогало так, как раньше.

Мои волосы расчесывали до тех пор, пока кожа головы не начала гореть. Ее все еще покалывало. Половину моих светлых волос убрали наверх и закололи, остальные волной густых локонов падали на спину. Кожа на горле и плечах тоже порозовела — наверное, из-за ароматической ванны, в которой я провела несколько часов. Может, поэтому мне так трудно дышать. В воду добавили много масел, и я боялась, что пахну так, будто меня утопили в жасмине и сладком анисе.

Оставаясь абсолютно неподвижной, я сделала медленный глубокий вдох. После ванны меня тщательно прихорашивали. Волосы со всего тела выщипали или удалили с помощью воска, и только бальзам, втертый в ноги, руки и, похоже, повсюду, смягчал жжение. Я опять задержала дыхание, подавив желание опустить взгляд. Я уже знала, что увижу, — практически всё.

Платье, если его можно так назвать, почти полностью было сшито из прозрачного шифона. Рукава длиной в несколько дюймов прикрывали верхнюю часть рук, и тонкая ткань цвета слоновой кости свободно окутывала все тело, растекаясь по полу. Я возненавидела платье, ванну и последовавшие за ней процедуры, хотя и понимала, зачем все это.

Чтобы сделать меня обольстительной.

Юбки зашелестели рядом, и я медленно выдохнула. В зеркале появилось лицо мамы. Между нами нет никакого сходства. Я напоминаю отца. Знаю это, потому что долго рассматривала его единственный сохранившийся портрет. У него тоже были веснушки и такой же упрямый подбородок, как и у меня. И мне достались его глаза — не только цвет, но и разрез, приподнятые внешние уголки. Благодаря этому портрету, спрятанному в личных покоях мамы, я знала, как выглядел мой отец.

Темно-карие глаза мамы на миг встретились в зеркале с моими, а потом она обошла вокруг меня. Ее корона

из золотых листьев сияла в свете свечей. Мама изучала меня, выискивая выбившиеся пряди волос или волоски в том месте, где им быть не положено, любые изъяны или свидетельства, что невеста подготовлена неидеально.

Цена, обещанная за двести лет до моего рождения.

В горле снова пересохло, но я не осмелилась попросить воды. На моих губах — розовая краска, создающая впечатление, будто они покрыты росой. Если я что-то испорчу, мама будет недовольна.

Пока она поправляла рукава, я вгляделась в ее лицо. Тонкие морщинки в уголках глаз казались глубже, чем днем раньше. Губы напряженно сжаты. Как всегда, по ее лицу ничего нельзя прочесть, да я и не знала, что искать. Печаль? Облегчение? Любовь? Звякнули тонкие золотые цепочки, и мое сердце забилося сильнее.

Я увидела белую вуаль, которую кто-то подал ей, и мне вспомнился белый волк, которого я видела много лет назад у озера, где собирала камешки — теперь не помню для чего. Судя по внушительным размерам, это мог быть один из редких волков кийу, которые порой встречались в Темных Вязах, окружающих территорию замка Вэйфейр. Я встретила взглядом со зверем, боясь, что он разорвет меня. Но он, прежде чем убежать, лишь посмотрел на горсть камней в моих руках так, словно я слабоумный ребенок.

Мама надела мне на голову вуаль Избранной. Тонкая ткань окутала плечи и заструилась по спине, оставив открытыми только губы и подбородок. Я с трудом могла видеть, как сквозь дымку. На мою голову положили тонкие цепочки, удерживающие вуаль. Она была не такой плотной, как та, что я носила в присутствии других людей, за исключением своей семьи и сира Холланда, и не закрывала все лицо.

«Пусть ты не Избранная, но ты рождена в царстве смертных в вуали Первозданных. Ты — Дева, обещанная

Судьбами. И ты покинешь это царство, осененная Жизнью и Смертью», — сказала однажды моя старая няня Одетта.

Однако я выглядела как Избранные — третьи сыновья и дочери, рожденные в покрове и предназначенные служить при дворе Первозданного Жизни. Я всю жизнь пряталась под этой вуалью, и хотя рождена в покрове и со мной в многом обращались как с Избранными, я еще и Дева. После Вознесения им будет оказана величайшая честь, какая может быть дарована смертным в любом королевстве. Вся страна будет праздновать, готовясь к ночи Ритуала, во время которого они вознесутся и войдут в царство Илизиума, чтобы служить Первозданным и богам. Мое же предназначение — на верное, самый тщательно охраняемый секрет во всей Ласании. Не будет ни празднований, ни пиров. Сегодня, в мой семнадцатый день рождения, я стану супругой Первозданного Смерти.

К горлу подкатил ком. Почему я умираю от страха? Я к этому готова. Готова выполнить договор. Готова к тому, для чего рождена. Должна быть готова.

Интересно, нервничают ли Избранные в ночь своего Ритуала? Скорее всего. Кто бы не волновался в присутствии младших богов, не говоря уже о Первозданных — существах столь могущественных, что они стали основой самой ткани нашего существования? А может, Избранные просто радуются, что наконец исполняют свое предназначение. Я наблюдала, как они улыбались и смеялись во время Ритуала, когда видны только нижние половины их лиц. Они явно горели готовностью начать новую жизнь.

Я же не улыбалась и не смеялась.

«Вдохни. Задержи дыхание. Выдохни. Задержи дыхание».

Мама наклонилась ко мне.

— Ты готова, принцесса Серафена.

Серафена. Я так редко слышала свое полное имя, и никогда — вместе с официальным титулом. Словно щелкнул переключатель. В один миг бешеное биение сердца прекратилось, давление на грудь ослабело. Руки перестали дрожать.

— Да.

Сквозь вуаль я заметила, что королева Каллиф улыбнулась — по крайней мере, уголки ее губ приподнялись. Я никогда не видела, чтобы она улыбалась мне по-настоящему, как улыбалась мужу и моим сводным брату и сестре. Хотя она вынашивала меня девять месяцев и произвела на свет, я никогда не была ее дочерью. Никогда не считалась принцессой людей.

Я всегда принадлежала Первозданному Смерти.

Она бросила на меня последний взгляд, убрала прядь волос, которая выбилась на плечо, и вышла из комнаты, не проронив ни слова. Дверь за ней со щелчком закрылась, и мое восприятие мира, которое я оттачивала годами, обострилось.

Тишина в комнате сохранялась несколько мгновений.

— Сестренка, — раздался голос. — Ты застыла, как статуи богов в саду.

Сестренка? Я скривилась, сдерживая отвращение. Он мне не брат, ни по крови, ни по узам, хотя он сын мужчины, за которого мама вышла замуж вскоре после смерти отца. В нем не было ни капли крови Мирелей, но народ Ласании не знал о моем рождении, и потому наследником стал он. Вскоре ему быть королем, и я уверена, что народ ждет кризис даже после того, как я выполню договор.

Но, как наследник трона, сводный брат — один из немногих, кому известна правда о короле Родерике, первом правителе из рода Мирелей и моем предке, чье отчаянное решение ради спасения народа не только пре-

допределило мою судьбу, но стало проклятием для будущих поколений того королевства, которое он хотел защитить.

— Ты, наверное, нервничаешь. — Тавиус подошел ближе. — Знаю, принцесса Кейли нервничает. Она переживает из-за нашей брачной ночи.

Я разжала пальцы и спокойно посмотрела на него.

— Я пообещал ей, что буду нежным.

Тавиус появился в моем поле зрения. Голубоглазый, со светло-каштановыми волосами, он считался красавцем, и я готова поспорить, что принцесса Айрелона при знакомстве с ним тоже так решила и сочла, что ей повезло. Вероятно, теперь она так не думает. Я наблюдала, как Тавиус кружит вокруг меня, словно большой серебристый ястреб из тех, что летают над верхушками Темных Вязов.

— Сомневаюсь, что ты получишь такое же заверение от него.

Даже сквозь вуаль я увидела его самодовольную ухмылку. Чувствовала, как он пялится.

— Ты же знаешь, что о нем говорят — почему его черты никогда не изображают на картинах и не высекают в камне. — Тавиус понизил голос, изображая притворное сочувствие. — Говорят, он чудовищен, его кожа покрыта такой же чешуей, как у тварей, которые его охраняют. И у него клыки вместо зубов. Конечно, ты в ужасе от того, что должна сделать.

Не знаю, покрыт ли чешуей Первозданный Смерти, но все они — и боги, и Первозданные — имеют острые удлиненные клыки. Достаточно острые, чтобы пронзать плоть.

— Как ты думаешь, кровавый поцелуй подарит тебе огромное наслаждение, как некоторые утверждают? — издевался он. — Или доставит ужасную боль, когда он погрузит свои зубы в твою гладкую кожу? — Его голос стал хриплым. — Скорее всего — последнее.

Я ненавидела его еще больше, чем это платье.

Он крадучись обошел меня, постукивая пальцем по подбородку. По моей коже поползли мурашки, но я осталась неподвижной.

— Но тебя обучали довести дело до конца, правда? Стать его слабостью, заставить его влюбиться, а потом покончить с ним. — Он остановился передо мной. — Я знаю, что ты провела какое-то время, обучаясь у куртизанок «Нефрита». Так что, возможно, ты не нервничаешь. Может, тебе не терпится услужить...

Он протянул мне руку.

Я схватила его запястье и вдавила пальцы в жилы. Он дернулся всем телом и выругался.

— Дотронься до меня, и я сломаю все кости в твоей руке, — предупредила я. — А потом позабочусь, чтобы у принцессы не было причин страшиться брачной ночи, которую она обречена провести с тобой.

Рука Тавиуса напряглась, он сердито уставился на меня.

— Тебе так невероятно повезло, — огрызнулся он. — Ты и понятия не имеешь.

— Нет, Тавиус. — Я оттолкнула его, напоминая, что моим обучением занимались не только куртизанки. Он споткнулся, но восстановил равновесие, избежав столкновения с зеркалом. — Это тебе повезло.

Его ноздри раздувались. Он потерял руку, но ничего не сказал, а я снова уселась неподвижно. Я говорила правду. Я могла сломать ему шею прежде, чем он успел бы поднять на меня руку. Благодаря своему предназначению я была обучена лучше большинства королевских гвардейцев, которые защищали Тавиуса. Тем не менее он заносчив и избалован настолько, чтобы попытаться совершить какую-нибудь невероятную глупость.

Я даже надеялась на это.

Тавиус сделал шаг вперед, а я улыбнулась...

Стук в дверь помешал ему исполнить задуманное. Он опустил руки и рывкнул:

— Что такое?

Из-за двери раздался взволнованный голос одной из доверенных леди моей матери.

— Жрецы ожидают его скорого прибытия.

Тавиус с насмешливой улыбкой отстранился от меня. Я развернулась.

— Пора тебе в кои-то веки принести пользу, — сказал он.

Он открыл дверь и неторопливо вышел, зная, что я не стану отвечать при леди Кале. Эта женщина доложит моей матери обо всем, что бы я ни сделала в ее присутствии. А та, по какой-то богами забытой причине, заботится о Тавиусе так, словно он этого достоин. Я подождала, пока он исчезнет в одном из темных извилистых коридоров Теневого храма, расположенного за Садовым районом столицы у подножия Утесов Печали. Коридоров здесь так же много, как и подземных туннелей, соединяющих все храмы Карсодонии, столицы королевства, с замком Вэйфейр.

Я подумала о смертной Сотории, в честь которой названы крутые обрывы. Легенда гласит, что она собирала цветы на утесах, когда, напуганная богом, сорвалась вниз и разбилась.

Наверное, сейчас не самое подходящее время о ней думать.

Подобрав воздушные юбки, я шла босиком по холодному полу.

Леди Кала казалась размытым пятном в коридоре, но я все-таки заметила, как она поспешно отвернулась от меня.

— Идем. — Она шагнула вперед, но остановилась. — Тебе видно в этой вуали?

— Чуть-чуть, — призналась я.

Она взяла меня под руку. Я поморщилась от неожиданного прикосновения и возблагодарила вуаль, которая скрывала меня. Как и любой Избранный, я не должна никого касаться, если это не связано с моими приготовлениями. Действия леди Калы о многом говорили.

Она повела меня по бесконечным извилистым коридорам, где не было ничего, кроме бесчисленных дверей и светильников с пылающими свечами. Я уже начала думать, не заблудилась ли она, но тут у дверей показались неясные очертания двух молчаливых фигур, одетых в черное.

Теневые жрецы.

Они возвели обет молчания на новый уровень: им зашили рты. Я всегда удивлялась, как они едят и пьют. Судя по призрачным впалым фигурам под черными одежаниями, способы, которые они применяют, не слишком хорошо работают.

Я подавила дрожь, когда жрецы открыли дверь, за которой оказался большой круглый зал, освещенный сотнями свечей. Третий Теновой жрец возник из ниоткуда и занял место леди Калы. Костлявые пальцы не коснулись моей кожи, но прижались к спине. Контакт все же успокоил меня, хотелось сделать шаг в сторону, но я знала, что лучше не отстраняться от этих пальцев, холод которых проникал сквозь тонкую ткань. Заставив себя дышать, я устояла на рельефе, высеченный на гладком камне. Круг, пересеченный линией. Такой же символ был изображен на всех каменных плитках. Никогда прежде его не видела и не знала, что он означает. Я подняла взгляд на широкую площадку, которая возвышалась впереди. Жрец направлял меня вдоль прохода, и ощущение тяжести в груди вернулось. Я не смотрела на пустые скамьи. Если бы я в самом деле была Избранной, на них бы сидела высокопоставленная знать, а с улиц доносились приветственные крики. От тишины в зале я похолодела.

Раньше здесь стоял лишь трон, сделанный из того же камня, что и храм. Тенекамень цвета самого глубокого часа ночи — изумительный материал, который можно отполировать, чтобы он отражал любой источник света, и наточить так, что острый клинок, изготовленный из него, будет пронзать плоть и кость. Сверкающий трон поглощал свет свечей, и казалось, что камень полон темного огня.

Спинка трона была выточена в виде полумесяца. Такой же формы, что и родимое пятно над моей левой лопаткой. Красноречивое указание на то, что еще до рождения моя жизнь мне не принадлежала.

Сегодня здесь стояли два трона.

Когда меня подвели к возвышению и помогли подняться по ступеням, я пожалела, что не попросила стакан воды. Меня направили ко второму трону, усадили и оставили одну.

Уложив руки на подлокотники, я рассматривала скамьи внизу. Ни одного человека из Ласании. Никто даже не знает, что их жизни и жизни их детей сегодня ночью висят на волоске и что мне нужно сделать. Если бы они узнали, что Родерик Мирель — известный в истории Ласании как Золотой король — не проводил дни и ночи в полях со своим народом, копая и расчищая погубленную войной землю, пока не обнажится чистый, плодородный слой... Что он не засеивал поля вместе со своими подданными; не выстраивал королевство, проливая кровь, пот и слезы... Если они узнают, что песни и стихи о нем основаны на сказках, тогда то, что осталось от династии Мирелей, наверняка рухнет.

Кто-то закрыл двери, и я устремила взгляд в глубину зала, где различила при свете свечей темные очертания мамы и Тавиуса. Рядом с ними маячила третья фигура. Король Эрнальд. Моя сводная сестра — принцесса Эзмерия, или Эзра, — стояла рядом с отцом и братом, и мне не нужно было видеть выражение ее лица, чтобы

знать: ей ненавистны условия этой сделки. Сира Холланда не было. Мне бы хотелось с ним попрощаться, хотя я и не ожидала, что он сюда придет. Его присутствие вызвало бы много вопросов у Теневых жрецов.

И многое бы открыло.

Что я не воплощение королевской чистоты, а скорее волк в шкуре жертвенного ягненка.

Я не просто выполню договор, заключенный королем Родериком. Я покончу с ним прежде, чем он уничтожит мое королевство.

Решимость наполнила мою грудь теплом, как всегда бывало, когда я применяла свой дар. Это моя судьба. Мое предназначение. То, что я сделаю, — важнее меня самой. Это ради Ласании.

Поэтому я сидела, скрестив лодыжки под платьем, расслабив руки на подлокотниках трона, и ждала.

Ожидание затягивалось.

Секунды складывались в минуты. Не знаю, сколько их прошло, но в животе стали возникать крохотные узлы беспокойства. Он призван в свой храм. Разве... разве он не должен явиться?

Ладони взмокли, напряжение в животе разрослось и достигло груди. Давление усилилось. Что, если он не появится?

А почему бы и нет?

Это же он диктовал условия.

Когда король Родерик в отчаянии был готов на все, чтобы спасти погубленные войной земли и людей, которые голодали, уже вынеся столько потерь, наверное, он ожидал, что на его призыв отзовется младший бог, как это обычно случалось, если у кого-то хватало смелости призвать. Но Золотому королю ответил Первозданный.

Исполнив просьбу короля Родерика, Первозданный Смерти назначил цену: отдать перворожденную дочь рода Мирелей ему в супруги.

Первозданный должен прийти.

А если не придет? Мое сердце колотилось, а пальцы сжимали холодный камень трона.

«Вдохни. Задержи дыхание. Выдохни. Задержи дыхание».

Если он не появится, все пропало. Все, что он даровал королю Родерику, продолжит разрушаться. Если он не придет за мной и я не исполню задуманное, я обреку королевство на медленную смерть от Гнили. Она появилась сразу после моего рождения, сначала на маленьком участке сада. Незрелые яблоки падали с деревьев, теряющих листву. Земля под ними стала серой, а трава и корни погибли. Потом Гниль распространилась, захватив весь сад. Со временем она опустошила еще несколько ферм. На почве, затронутой Гнилью, больше ничего не росло.

И это еще не все. Изменилась погода: лето стало более жарким и сухим, а зима — более холодной и переменчивой.

Народ Ласании понятия не имеет, что Гниль — это часы с обратным отсчетом, которые с момента моего рождения отмеряют время до окончания срока сделки, заключенной Золотым королем. Вполне возможно, король не понимал, что условия сделки будут выполнены, невзирая ни на что. Это осознание пришло лишь спустя десятилетия после ее заключения. Если я провалюсь, королевство...

Все началось как низкий рокот, который можно было принять за отдаленное гремящее фургонное и экипажное по мощным улицам Карсодонии. Но звук нарастал, пока я не почувствовала вибрацию в троне, на котором сижу, и в своих костях.

Рокот стих, и свечи — все свечи — погасли, зал погрузился в темноту. Края моей вуали и подол платья зашевелил ветерок, несущий запах земли.

Вдруг пламя в свечах вспыхнуло и устремилось к сводчатому потолку. Я сосредоточила взгляд на центральном

проходе, где воздух раскололся и затрещал искрами белого света.

Из разрыва просочился туман и пополз по каменному полу к скамьям. Моя кожа покрылась мурашками. Некоторые называют туман первозданной магией. Итер. Мощная субстанция, которая не только создала царство смертных и Илизиум, но и течет в крови богов, наделяя даже младших из них и неизвестных немыслимой силой.

Я заморгала. Перед возвышением больше не было пусто. Там стоял мужчина в плаще с капюшоном, окруженный пульсирующими щупальцами глубоких теней, обведенных сияющим серебром. Я не позволяла себе думать, что сказал про него Тавиус. Не могла. Вместо этого попыталась что-нибудь разглядеть за клочковатой маской тумана. Я смогла лишь разобрать, что он невероятно высок. Даже с того места, где сидела, я поняла, что он будет возвышаться надо мной, а я вовсе не маленького роста — почти одного с Тавиусом. Но он — Первозданный, а исторические хроники гласят, что Первозданные казались гигантами по сравнению со смертными.

Похоже, он широкоплеч — я решила так из-за более густой тьмы, которая приняла очертания... крыльев. Голова, укрытая капюшоном, приподнялась.

Я моментально забыла про дыхательные упражнения. Лица я не видела, но ощутила пристальный взгляд. Этот взгляд пронзал меня, и в короткий миг паники я решила, что он знает: я провела семнадцать лет не только готовясь стать его супругой. Мое обучение простиралось далеко за пределы этого. А смирение и покорность, которыми меня научили, — лишь еще одна моя вуаль.

На миг сердце мое остановилось. Я сидела на троне, предназначенном для правительницы Страны теней, одного из дворов Илизиума, смотрела на Первозданного Смерти, и впервые в жизни меня охватил настоящий ужас.

Первозданные не могут читать мысли смертных. Я убеждала себя в этом, цепляясь за остатки здравомыслия. У него нет причин подозревать меня в чем-то. Даже если он годами наблюдал, как я расту, или послал в Ласанию шпионов, мое происхождение хранилось в секрете. Никто не знал, что я принцесса крови Мирелей. Все, чем я занималась, делалось в глубочайшей тайне, — от обучения с сиром Холландом и до времени, проведенного с куртизанками «Нефрита».

Он не мог знать, что за две сотни лет, которые потребовались, чтобы я родилась, появились знания, как можно убить Первозданного.

Любовь.

Роковая слабость, которая делает их настолько уязвимыми, что их можно убить. Любовь.

«Заставь его влюбиться, стань его слабостью и покончи с ним».

Вот в чем заключается мое предназначение.

Успокоив колотящееся сердце, я вспомнила часы, проведенные с матерью, когда училась всему, чего ожидают от супруги Первозданного. Как двигаться, разговаривать и вести себя в его присутствии. Как стать той, кого он желает. Я готова — пусть даже он покрыт с головы до ног чешуей, как те крылатые твари, что охраняют Первозданных.

Мои пальцы расслабились, дыхание замедлилось, и я позволила губам изогнуться в улыбке — застенчивой и невинной. При свете свечей я встала, не чувствуя ног. Сложила руки на животе, чтобы ничего от него не прятать, как велела мама. И начала опускаться на колени, как положено, приветствуя Первозданного.

Единственным предупреждением, что он сорвался с места, стало движение воздуха.

Удивленный выдох замер, не добравшись до моих губ. Внезапно Первозданный оказался передо мной. Нас

разделяло не больше нескольких дюймов. Воздух вокруг меня заполнился вихрем света. Первозданный казался холодным, как зимы на севере и востоке. Какими постепенно, с каждым годом становились зимы в Ласании.

Я не была уверена, что дышу, глядя в пустоту, где должно находиться его лицо. Первозданный Смерти приблизился еще, и виток тени коснулся голой кожи моей руки. Я ахнула от ледяного ощущения. Он опустил голову, и в моем теле напряглись все мышцы — из-за его присутствия или из-за инстинкта, предупреждающего, что бежать нельзя. Нельзя делать резких движений в присутствии хищника.

— Ты, — произнес он. Его голос был полон дыма и тени, и всего, что ждет человека, сделавшего последний вдох. — Мне не нужна супруга.

Я вздрогнула и прошептала:

— Что?

Первозданный подался назад, и тени вместе с ним. Он покачал головой. Что он имел в виду?

Я шагнула вперед и повторила:

— Что?..

Ветер взметнулся за моей спиной, загасив свечи и погрузив зал в темноту. Рокот звучал слабее, чем прежде, но я не смела шевельнуться и понятия не имела, где Первозданный. Не видела даже край возвышения. Землистый запах исчез, пламя в свечах медленно разгорелось, слабо искрясь...

Первозданного передо мной больше не было.

Над отверстием в полу, которое теперь было запечатано, клубились остатки итера.

Он ушел.

Первозданный Смерти покинул храм. Он не забрал меня, и в самой глубине моей души расцвело и тут же исчезло чувство облегчения. Он не выполнил сделку.